

I. M E M O R I A

Л Е О Н И Д А Р О Н З О Н

(1939 - 1970)

1 ПАВЛОВСК →

Уже сумерки, как дожди.

Мокрый Павловск, осенний Павловск,
облетает, слетает, дрожит,
как свеча оплывает.

О август, сохранишь ли меня, как трава
субстроняет опавшие листья,
или мягкая лисья тропа
приведет меня снова в столицу?

В этой осени желчь фонарей,
и плывут, окунаясь, плафоны,
так явись, моя смерть, в октябре
на размытых, как лица, платформах,
а не здесь, где деревья - цари,
где царит умирание прели,
где последняя птица парит
и сползает, как лист, по ступеням,
и ложится полуночный свет
там, где дуб, как неузнанный сверстник,
каждой веткою бьется вослед,
оставаясь, как прежде, в бессмертии.

Здесь я царствую, здесь я один,
посему, разыгравшийся в лицах,
распускаю себя, как дожди,
и к земле прижимаюсь, как листья,
и дворцовая ночь среди гнезд
расточает медлительный август
бесконечный падением звезд
на открытый и сумрачный Павловск.

*1961 *

2 У Т Р О

Каждый легок и мал, кто взошел на вершину холма,
Как и легок и мал он, венчая вершину лесного холма.
Чей там взмах, чья душа, или это молитва сама?
Нас в детей обращает вершина лесного холма!
Листья дальних деревьев, как мелкая рыба в сетях,
и вершину холма украшает нагое дитя!
Если это дитя, кто вознес его так высоко?
Детской кровью испачканы стебли песчаных осок.
Собирая цветы, называй их: вот мальва! вот мак!
Это память о рае венчает вершину холма!
Не младенец, но ангел венчает вершину холма,
то не кровь на осоке, а в травах разросшийся мак!
Кто бы ни был, дитя или ангел, холмов этих пленник,
нас вершина холма заставляет упасть на колени,
на вершине холма опускаешься вдруг на колени!
Не дитя там - душа, заключенная в детскую плоть,
не младенец, но ^{знак}о том, что здесь рядом Господь.
Листья дальних деревьев, как мелкая рыба в сетях,
посмотри на вершины: на каждой играет дитя!
Собирай цветы, называй их: вот мальва! вот мак!
Это память о Боге венчает вершину холма!

1966 /

3 ← ИЗ НЕОКОНЧЕННОГО ВЕНКА СОНЕТОВ "КАЛЕНДАРЬ АВГУСТА" →

~~xxx~~
С балкона я смотрел на небеса.
Во тьме неразличимые собаки
небесного облаивали Пса,
но я-то знал, что не дойдет до драки!

Под утро, что ни ночь, была гроза.
Крестя старух, распугивая браки,
она сверкала взорами атаки,
садам безумным руки развязав.

Случалось, Феб промчится мимо нас,
его лицо мелькнет на день, на час,
и снова дождь, и снова запах сада.

Затем закат. Безветрие. Покой.
Пророча тьму, зацикают цикады...
Была б река, мы б жили за рекой.

^{ИКСА}
~~14~~ 1967 <

4 ~~НАЧАЛО ПОЭМЫ~~
ВИДЕНИЕ АРОН ЗОНА

На небесах безлюдье и мороз,
на глубину ушло число бессмертных,
но караульный ангел стужу терпит,
невысоко петляя между звезд.

А в комнате в роскошных волосах
лицо жены моей белеет на постели,
лицо жены, а в нем ее глаза,
и чудных две груди растут на теле.

Лицо целую в темя головы,
мороз такой, что слезы не удержишь,
все меньше мне друзей среди живых,
все более друзей среди умерших.

Снег освещает лиц твоих красу,
моей души пространство освещает,
и каждым поцелуем я прощаюсь...
Горит свеча, которую несу

на верх холма. Заснеженный бугор.
Взгляд в небеса. Луна еще желтела,
холм разделив на темный склон и белый,
По белой стороне тянулся бор.

На черствый наст легился новый снег,
то тут, то там топорщилась осока,
неразличим, на темной стороне
был тот же бор. Луна светила сбоку.

Пример сомнамбулических причуд,
я поднимался, поднимая тени.
Поставленный вершиной на колени,
я в пышный снег легко воткнул свечу.

Январь
~~1968~~ 1968

х х х →

Есть между всем молчание. Одно.
Молчание одно, другое, третье.
Полно молчаний, каждое оно
есть материал для стихотворной сети.

А слово - нить. Его в иглу проденьте
и слово нитью сделайте окно -
молчание теперь обрамлено,
оно - ячейка невода в сонете.

Чем более ячейка, тем крупней
размер души, запутавшейся в ней.
Любой улов обильный будет мельче,

чем у ловца, посмеющего сметь
гигантскую связать такую сеть,
в которой бы была одна ячейка!

У 1968?/h

7 ПУСТОЙ СОНЕТ →

Кто вас любил восторженной, чем я ?
Храни вас Бог, храни вас Бог, храни вас Боже.
Стоят сады, стоят сады, стоят в ночах,
И вы в садах, и вы в садах стоите тоже.

Хотел бы я, хотел бы я свою печаль
вам так внушить, вам так внушить, не потревожив
ваш вид травы ночной, ваш вид ее ручья,
чтоб та печаль, чтоб та трава вам стала ложем.

Проникнуть в ночь, проникнуть в сад, проникнуть в вас,
поднять глаза, поднять глаза, чтоб с небесами
сравнить и ночь в саду, и сад в ночи, и сад,
что полон вашими ночными голосами.

Иду на них. Лицо полно глазами...
Чтоб вы стояли в них, сады стоят.

K1969 >

10
X X X →

Нас всех по пальцам перечесть,
но по перстам! Друзья, откуда
мне выпала такая честь
быть среди вас? Но долго ль буду?

На всякий случай: будь здоров
любой из вас! На всякий случай,
из перепавших мне даров,
друзья мои, вы - наилучший!

Прощайте, милые. Своя
на все печаль во мне. Вечерний,
сижу один. Не с вами я.
Дай Бог вам длинных виночерпий!

K1969 L

11
x x x →

Несчастно как-то в Петербурге.
Посмотришь в небо - где оно?
Лишь лета нежилой каркак
гостит в пустом моем лорнете.
Полулежу. Полулечу.
Кто там полудетит навстречу?
Друг другу в приоткрытый рот,
кивком раскланявшись, влетаем.

Нет, даже ангела пером
нельзя писать в такую пору:
" Деревья заперты на ключ,
но листьев, листьев шум откуда?"

К-1969 4

х х х →

Увы, живу. Мертвечки мертв.
Слова заполнились молчаньем.
Природы дарственный ковер
в рулон скатал я изначальный.

Пред всеми, что ни есть, ночами
лежу, смотря на них в упор.
Глен Гульд - судьбы моей тапер -
играет с нотными значками.

Вот утешение в печали,
но от него еще страшней.
Роятся мысли, не встречаясь.

Цветок воздушный, без корней,
вот бабочка моя ручная.
Вот жизнь дана, что делать с ней?

Нс.с.р.с

К-1969 4

х х х →

И мне случалось видеть блеск -
Сиянье Божьих глаз ;
Я знаю, мы - внутри небес,
Но то же Небо в нас.

Как будто нету наказания
Тем, кто не веруя живет,
Но нет, наказан каждый тот
Незнаньем Божьего сиянья.

Не доказать Тебя примером:
Перед Тобой и миром щит.
Ты доказуем только верой:
Кто верит, тот тебя узрит.

Не надо мне Твоих утех:
Ни эту жизнь и ни другую -
Прости мне, Господи, мой грех,
Что я в миру Твоём тоскую.

Мы люди, мы Твои мишени,
Не избежать Твоих ударов.
Страшусь одной небесной кары,
Что Ты принудишь к воскрешенью.

Сколь одиноко думать что,
Смотря в окно с тоской?
- Там тоже Ты. В чужом пальто
Совсем-совсем другой.

Л-1969 А

13
х х х →

Уже в спокойном умиленьи
смотрю на то, что я живу.
Пред каждой тварью на колени
я встану в мокрую траву.

Я эту ночь продлю стихами,
что врут, как ночью соловей.
Есть благодать в музыке, в дыханье,
в печали, в милости твоей.

Мне все доступны наслажденья,
коль все, что есть вокруг, - они.
Высоким бессловесным пеньем
~~в~~ходят, возвращаясь, дни.

Л-1969 В?

8

х х х →

Благодарю Тебя за снег,
За солнце на Твоем снегу,
За то, что весь мне данный век
Благодарить Тебя могу.

Передо мной не куст, а храм,
храм Твоего куста в снегу,
И в нем, припав к Твоим ногам,
Я быть счастливей не могу.

< 1969 > ~~или 1970~~

14

х х х →

Боже мой, как все красиво!
Всякий раз, как никогда.
Нет в прекрасном перерыва.
Отвернуться б, но куда?

Оттого, что он речной,
Ветер трепетный прохладен.
Никакого мира сзади, -
~~Всё это~~ есть - передо мной!

< 1970 >

15

х х х →

Красавица, богиня, ангел мой,
исток и устье всех моих раздумий,
ты летом мне ручей, ты мне огонь зимой,
я счастлив оттого, что я не умер
до той весны, когда моим глазам
предстала ты внезапной красотой.
Я знал тебя блудницей и святою,
любя ^{всё} ~~то~~ то, что я в тебе узнал.
Я б жить хотел не Завтра, а вчера,
чтоб время то, что нам с тобой осталось,
жизнь пятилась до нашего начала,

а хватит лет, еще б свернула раз.
Но раз мы дальше будем жить вперед,
а будущее - дикая пустыня,
ты в ней оазис, что меня спасет,
красавица моя, моя богиня.

1970 /

5
х х х →

Широкой лавою цветов, своим пахучим изверженьем
холм обливается, прервать уже не в силах наслажденье:
из каждой поры бьют ключи, ^{ключи} цветов и Божьей славы,
и образ бабочки летит, как испаренье этой лавы.

Май 1968

1970

16
х х х →

Как хорошо в покинутых местах!
Покинутых людьми, но не богами.
И дождь идет, и мокнет красота
старинной рощи, поднятой холмами.

И дождь идет, и мокнет красота
старинной рощи, поднятой холмами.
Мы тут одни, нам люди не чета.
О, что за благо выпивать в тумане!

Мы тут одни, нам люди не чета.
О, что за благо выпивать в тумане!
Запомни путь слетевшего листа
и мысль о том, что мы идем за нами.

Запомни путь слетевшего листа
и мысль о том, что мы идем за нами.
Кто наградил нас, друг, такими снами?
Или себя мы наградили сами?

Кто наградил нас, друг, такими снами?
Или себя мы наградили сами?
Чтоб застрелиться тут, не надо ни черта:
Ни тяготы в душе, ни пороха в нагане,

Ни самого нагана. Видит Бог,
чтоб застрелиться тут, не надо ничего.

Сентябрь
~~1970~~ 1970 +

РОАЛЬД МАНЦЕЛЬШТАМ
(1932 - 1967)

х х х

4
Розами громадными увяло
Неба неостывшее литье -
Вечер, догорая за каналом,
Медленно впадает в забытие.

Ярче глаз под спущенным забралом
Сквозь ограды плещет листопад -
Ночь идет, как мамонт Гасдрубала,
Звездоносный плещется наряд.

Что молчат испуганные птицы?
Чьи лучи скрестились над водой?
- В дымном небе плавают зарницы,
Третий Рим застыл перед бедой.

Спят одни, другие, словно тени,
Позабыли прежние пути
И стоят, шафранные колени
В золотые лужи опустив.

5
НОВАЯ ГОЛЛАНДИЯ

Запах камней и металла,
Острый, как волчьи клыки,
- помнишь? -